

С.А. МЫЗНИКОВ
(Санкт-Петербург)

**ДОНСКОЙ ЛЕКСИКОН
НА СЕВЕРНОРУССКОМ ФОНЕ
В ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**

Проводится сопоставление донских данных с севернорусской лексикой на этимологической почве, что позволяет наметить пласт материалов, имеющих либо сходное происхождение, либо иррадиации различной природы.

Ключевые слова: локализм, реалия, диалектоноситель, иррадиация, репрезентативность, континуум, заимствование.

В настоящее время в связи с дескриптивной и аналитической работой над лексическим составом русских говоров предпринимаются попытки сопоставительного анализа южнорусского и севернорусского лексиконов (см. работы О. Г. Борисовой, Г. М. Курбангалевой, М. С. Миронович). По результатам исследований отмечается, что севернорусские локализмы в южнорусском континууме имеют различную географическую дистрибуцию на территории распространения изучаемых говоров, причем их функционирование может как ограничиваться говором одного населенного пункта, так и охватывать широкий ареал. На основе изучения генезиса лексического состава выделяются следующие пласты: неварьруемая лексика материнских говоров и общенародного языка; локальные варианты лексических единиц материнских говоров и общенародных слов; собственно локализмы; неварьруемые прямые заимствования из смежных языков [3, с. 248].

В нашей предыдущей работе [10] также сопоставлялись лексические данные некоторых тематических групп донских говоров и русских говоров Северо-Запада (преимущественно севернорусских). Основным материалом для работы тогда послужили данные «Словаря русских донских говоров» и «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей», а также «Словаря русских народных говоров». Анализу подвергались лишь фрагменты лексических систем говоров разных тематических групп.

К настоящему времени эмпирическая база сопоставления такого рода данных значительно увеличилась после выхода в свет «Слова-

ря донских говоров Волгоградской области» (под ред. Р.И. Кудряшовой). Словарь построен на базе непосредственных записей диалектной речи в полевых экспедициях Волгоградского государственного педагогического университета (1959–2008) в казачьи хутора и станицы Волгоградской области, материалов диалектологической практики студентов филологического факультета указанного педуниверситета, собранных в казачьих районах области. Кроме записей диалектной речи авторами-составителями, в словаре использованы материалы основателя волгоградской диалектологической школы доктора филологических наук, профессора ВГПУ Л. М. Орлова (1912–2001), внесшего значительный вклад в изучение русских говоров, материалы словаря В. Г. Маслова, рукописного словаря С. Н. Земцова, рукописного словаря фразеологических единиц В. М. Глухова, записи учителя П. И. Улитина и др. В словарь включены относящиеся к территории Волгоградской области лексические единицы, зафиксированные в «Словаре русских донских говоров», «Большом толковом словаре донского казачества» и «Донском словаре» А. В. Миртова. Дополнительно в словарь включены слова и словосочетания из фольклорных записей, художественных текстов местных писателей, архивные и исторические материалы.

Несмотря на различия в условиях проживания и хозяйственной деятельности на Дону и Северо-Западе, некоторые жизненные сферы имели одинаково важное значение. И, следовательно, их реалии, актуальные для диалектоносителя, вполне сравнимы в плане лексической манифестации. Весьма значима в хозяйственной жизни заготовка сена. Однако описываются ее реалии различными лексическими единицами, хотя нередко однокоренными. Например, ‘деревянная ручка косы’ манифестируется в донских говорах как *око'сье* [СРДГ 2], *око'сиво* ‘ручка косы’ [СДГВО, с. 381] и как *косеви'ще*, *косовьё* в севернорусских говорах [СРГК 2]; или ‘прошлогодня нескошенная трава’ с одной зафиксированной лексемой на Дону – *леж* ‘старая, не скошенная в прошлом году, помятая и попутавшаяся трава, наносящая страшный вред лугам’ [СРДГ 2], *ста'рни'к* ‘прошлогодня трава, засохшая на корню’ [СДГВО, с. 568] и с гораздо большим числом манифестантов на Северо-Западе: *не'кость* [СРГК 3], *ста'рица* [НОС], *ве'тошь* [СРГК 1], *ку'ла*, *ку'лага* [СРГК 3]. Причем сле-

дует отметить, что последние две лексемы представляют собой единицы прибалтийско-финского происхождения, ср. вепс. *kulo* 'прошлогодняя трава' [СВЯ, с. 244].

В сфере сельскохозяйственной лексики, естественно, выделяются единицы, которые имеют не только интердиалектный, но и общеславянский характер. В говорах Волгоградской области фиксируется единица *тина* 'стебли гороха' [СДГВО, с. 590], которая сопоставима с севернорусским *ти'на* 'стебель и листья корнеплодов, клубней, бобовых, ботва' Тихв. Ленингр., Волог., Новг. [СРГК 6, с. 460]. Реалия 'картофельная ботва' имеет лексические манифестации в виде *нати'на* [СРДГ 2, с. 174] при севернорусских фиксациях *на'тина*, *ня'тина* в Поволховье, Заонежье, Беломорье, по данным полевого лингвогеографического обследования автора (ПЛГО): *ня'тина* 'картофельная ботва' Чагод. Волог., *нати'на* 'ботва' Вытегор. Волог., Кириш. Ленингр. [КСРГК], *нети'на* 'сорняк' Сегеж. Карел. (ПЛГО), *ме'тина* 'стебель и листья растений корнеплодов и клубнеплодов, ботва' Кириш. Ленингр., Кандалакш. Терск. Мурман., Батец. Любыт., Солец., Новг. [СРГК 3, с. 233]; *нити'на* 'листья и стебли овощей, ботва' Беломор., Медвежьегор., Кем. Карел. [СРГК 4, с. 28]; *не'тина* 'зелень и стебли огородных растений' Онеж. Арх. [14]. Традиционно эти лексемы рассматриваются как часть общеславянского гнезда, ср.: укр. *нать*, *натиня*, белорусск. *націна*, чеш., словац. *nat'* [31 3, с. 48], при фин. *naatti*, вепс. *nat'* в том же значении [SKES, с. 363], трактуемые как славяно-русские заимствования.

Вариант *ти'на*, с преобладающими фиксациями в новгородских говорах, может быть образован в результате переразложения: *нати'на* > *на-тина* > *тина*. В ЭССЯ праславянское *nať интерпретируется как образование, возникшее на основе переразложения: *na-tina – *nat-ina* – *nať [4, с. 200–201; ЭССЯ 23, с. 187]. Лексемы с другим вокализмом вряд ли связаны с вепс. *ñit*, *ñiit* 'пожня, луг, покос' [СВЯ, с. 362].

Однако каждое совпадение южнорусских и севернорусских данных требует к себе пристального внимания и отдельного анализа. Так, например, имеется фиксация лексемы в русских говорах Северо-Запада: **Ла'та** 'поперечная жердь в изгороди' Причудье (Мехикорма) [12, с. 3]. **Ла'та** 'жердь, узкая доска, рейка, прикрепляемая горизонтально к стропилам для настила кровельного материала' Опочец., Невел., Бежан. Ново-Ржев., Ново-Сокол. Пск.

[ПОС 16, с. 521–522]. **Ла'ты** 'доски, прибываемые к бортам долблёной лодки для устойчивости': *А если лот-ка не далбёная, то из досок её хнутъ, а к далбанай прибываютъ латы, эта ду-бицы называюца*. Невел. [ПОС 16, с. 522]. Эти данные возводятся к эст. *latt* 'жердь, шест' [12, с. 3].

Однако донские и кубанские сходные данные уже следует рассматривать в общевосточнославянском контексте: **ла'та** 'решетник': – *На трапилы латы пришиваются, а патом накладываются крышу саломай или чаканам*. Дон. [БТСДК], **ла'та** 'поперечная жердь в изгороди' Кубан. (Бесстрашная, Калиболотская) [РГК], **ла'тка** 'доска, переброшенная через речку, ручей' Кубан. (Ахметовская) [РГК], **ла'ты** 'специальные доски для крыши' (вероятно, для стропил. – С.М.) Кубан. (Воздвиженская) [РГК], **ла'та** 'длинная толстая жердь' Курганин., Динск., Мостов. Краснодар. [3, с. 140], **ла'та** 'деревянная жердь': – *Мы называли извяски, а тут, большы лата называютъ*. (казаки-некрасовцы) [ССГКН] при укр. *ла'та* 'длинная жердь или доска, которую кладут поперек стропил', белорусск. *ла'та*, *ла'ты*, *ла'тэ* 'жерди, на которые настилается крыша', жердь, которой прижимают солому на крыше, при ст.-белорусск. *лата*, *латва* 'то же' (XVI в.). Причем белорусские данные рассматриваются как заимствование из ст.-польск. *lata*, восходящее к германским источникам, как и эстонское слово, ср.-верх. нем. *Latte*, *late* 'планка, рейка, дранка' [ЭСБМ 5, с. 249; ЕСУМ 3, с. 199]. Ср. также белорусск. *ла'та* 'длинная решетина': *Купил воз лат. Крыл хату под латы* [13, с. 265]. Не относится сюда ненец. *лата* 'доски на полу чума' [18, с. 95], при коми *лати* 'доска для сидения в чуме'.

Большое значение как на Дону, так и на Северо-Западе имело рыболовство, а следовательно, можно предположить наличие довольно развитой рыболовецкой терминологии. В отношении наименований ряда рыболовных снастей можно зафиксировать сходные или тождественные единицы: *балбе'ра* 'поплавок из коры дерева' [СРГК 1], *балбе'ра* 'поплавок сети' [СРДГ 1], *балбе'рка* 'поплавок рыболовной сети', 'груз, прикрепляемый к нижней бечеве сети, бредня, невода' [СДГВО, с. 33]; *недо'тка* 'небольшой бредень для ловли мелкой рыбы' [СРДГ 2], *недо'тка* 'рыболовная сеть типа бредня' [НОС], с фиксациями в рязанских, костромских говорах и сопоставляемые с сербохорватскими данными [ЭССЯ 24, с. 123].

В СРДГ отмечаются значительные данные, относящиеся к неводной ловле. Некоторые из них фигурируют как в донских, так и в севернорусских говорах. Так, например, наименование мотни невода лексемой *куль* фиксируется в Харовском районе Вологодской области и в Аксайском, Верхнедонском, Каменском районах Ростовской области [СРДГ 2, с. 99], что, вероятно, связано с общеславянским характером данной лексики, ср. польск. *kul* 'мешок рыболовной сети', укр., белоруск. *куль*, при сходных балтийских материалах, ср. латыш. *kule* 'мешок' [15 2, с. 412; 17, с. 306]. Балтийские данные традиционно рассматриваются как заимствования из славянского континуума, при лат. *culleus* 'кожаный мешок, бурдюк' [15 2, с. 412]. В ряде случаев лексемы, относящиеся к тематической группе рыболовецкой терминологии, вероятно, сохраняют форму на южнорусской почве и представляют инновационный вариант на севернорусской: *кати'шки* 'рыболовная снасть из проволоки' Кондоп. Карел. [СРГК 2, с. 333]; *коте'ц, котцы* 'рыболовная снасть, ловушка, сплетенная из хвороста, камыша, чакана' [СДГВО, с. 265].

В ряде случаев спорадические фиксации севернорусской лексики на южнорусской почве могут быть связаны с общерусским наследием. Причем на других материалах сходные выводы делает Г.М. Курбангалеева: «... в современных русских говорах РБ (Р. Башкирия) имеется значительное количество слов, восходящих к более ранним лексическим пластам русского языка, в том числе к древнерусским: балакирь 'горшок', братыня 'емкость для разноса пива', выя 'шея', днесь 'сегодня', бердыш 'большой широкий топор'» [7, с. 141].

Слово *зель* 'карман' фиксировалось в XVIII в. как единица общенародного языка [САР 2, с. 861], при диалектных данных: *зеп* 'карман' Перм., Волог., Самар., Дон., Енис., Краснояр., Сиб. [СРНГ 11, с. 264], *зель* 'то же' Влад., Вят., Казан., Нижегород., Симб., Самар., Курск., Дон., Оренб., Перм., Свердл. [СРНГ 11, с. 264–265]. На севернорусской почве имеются соответствия в пермских языках: коми *зеп, дзеп* 'карман' [ССКЗД, с. 130], удм. *з'ер* 'карман' [КЭСКЯ, с. 105], обско-угорских, ср. венг. *zseb* 'карман'; тюркских, ср. тур., азерб. *džeb* 'карман'; при наличии славянских данных: болг. *джеб*, сербохорв. *дзеп*, словен. *žep* [15 2, с. 95]. Имеется несколько точек зрения в отношении русских диалектных данных. Фасмер предполагал, что это тюркское заимствование [Там же 2, с. 95], с ним солидаризовалась Е.Н. Шипова [16, с. 138]. А.Е. Аникин

допускает, что распространение слова *зель* может быть связано с влиянием языка коми [2, с. 212–213]. Независимость слова коми от русских данных подвергается сомнению, причем авторы КЭСКЯ предлагают древнечувашскую основу для коми-слова ввиду сходства формы в пермских языках [КЭСКЯ, с. 105]. На русской почве также не исключалась его чувашская природа [19, с. 54]. Ср. также араб. *zipr* 'карман', перс. *jib* 'пазуха, карман' [1, с. 406]. И.С. Козырев, однако, предполагает, что слово русск. диал. *зель* заимствовано из языка волжских татар [6]. Употребляется сходная форма в разговорнике Р. Джемса: *zare* 'зель' (карман) [8, с. 100].

Фиксация сходных данных в донских и севернорусских говорах нередко репрезентирует единицы каких-либо терминологических систем, которые если и стали диалектными, то с нечастотными фиксациями, ср.: *а'мбюз*, сапож. 'инструмент в виде небольшого молотка с уступом для шлифовки рантов и каблучков', Верхнедонской район [СРДГ 1, с. 5] и *а'мбус* 'сапожный инструмент': *А ранты у тупле ровняли амбусами; такая лопатка с железным квадратиком*. Кондоп. Карелии [СРГК 1, с. 19]. Эти лексемы, вероятно, можно сопоставить с нем. *Ambos* 'наковальня' [EWD, с. 42]. Также проникли, скорее всего, из плотницкой терминологии следующие единицы: *мурла'т* 'верхний венец дома, на котором устанавливают стропила', Азовский, Аксайский р-ны [СРДГ 2, с. 147] и *му'рла'ты* 'бревна в крыше, служащие опорой для стропил, для крыши', Терск. Мурман., Онеж. Арх. [СРГК 3, с. 272], при *мурла'т* 'продольный обруч поверх каменной стены, на который кладутся концами переводины матицы или балки', отмечаемое у Даля [5 3, с. 367] и в рязанских говорах [СРНГ 18, с. 356], а также белоруск. *мурлат* 'бревно, к которому крепятся стропила'. Все эти данные, вероятно, восходят к нем. *Mauerlatte* в сходном значении [ЭСБМ 7, с. 97].

В ряде случаев лексическая единица, проникающая в говоры как часть городской культуры, различается объемом вариантности в донских и севернорусских говорах. Так, например, танец *лансье* с французским этимолоном, ср. фр. *lancier* 'английский парный бальный танец середины 19 века', в донских говорах представлен вариантами *ланце* 'вид танца' [СРДГ 2, с. 107] и *линце* [СРДГ 2, с. 115], при многочисленных севернорусских фиксациях: *ла'нец, ланте'й, ланце'й, ланце'т, ла'нсе, ла'нце, ла'нца, ла'нцы* 'народный танец, вид кадрили' [СРГК 3, с. 94], хотя, конечно, нельзя исклю-

чать и того, что такие расхождения связаны с различной репрезентативностью лексикографических источников.

Таким образом, сопоставление донских данных с севернорусской лексикой на этимологической почве позволяет наметить пласт материалов, имеющих либо сходное происхождение, либо иррадиации различной природы.

Список литературы

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4 т. М.; Л., 1958–1989.
2. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М., Новосибирск, 2000.
3. Борисова О.Г. Лексико-семантическое пространство говоров позднего образования в генетических координатах (на материале говоров Кубани) // Севернорусские говоры. Вып. 13. СПб., 2015. С. 234–249.
4. Варбот Ж.Ж. Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. М.; СПб., 1880–1882. Т. 1–4.
6. Козырев И.С. К вопросу об изучении тюркизмов в русском языке // Тюркизмы в восточнославянских языках. М., 1974. С. 9–25.
7. Курбангалеева Г.М. О семантической эволюции севернорусской лексики в русских говорах Башкирии // Севернорусские говоры. Вып. 11. СПб., 2010. С. 136–145.
8. Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса 1618–1619 гг. Л., 1959.
9. Миронович М.С. Наименование хлебных изделий в севернорусском и южновеликорусском свадебном обряде (на примере Пермской и Калужской областей) // Севернорусские говоры. Вып. 13. СПб., 2014. С. 158–164.
10. Мызников С.А. Донская лексика на севернорусском фоне // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2001–2004. СПб., 2004. С. 154–158.
11. Мызников С.А. Новые диалектные данные и традиционные этимологические версии // Русская диалектология: традиционные подходы и инновационные технологии: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. д-ра филол. наук, проф. Л.М. Орлова. Волгоград, 15–17 февр. 2012 / под общ. ред. проф. Е.В. Брысиной. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2012. С. 32–40.
12. Мюркхейн В. Эстонские лексические заимствования в одном из русских говоров Эстонской ССР // СФУ. 1973. IX. 1. С. 1–9.

13. Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
14. Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1964–1973.
16. Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата: Наука, 1976.
17. Fraehkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1962–1965. Т. 1–2.
18. Niglas Liivo. La femme chez les éleveurs de rennes nenets // Études finno-ougriennes. 1997. Т. 29. P. 85–104.
19. Wichmann Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. MSFO, 21. Helsingfors, 1903.

Источники

- БТСДК – Большой толковый словарь донского казачества. Ростов н/Д.: Рост. гос. ун-т; М.: Рус. словари: Астрель: АСТ, 2003.
- ЕСУМ – Етимологічний словник української мови. Київ, 1982–2012. Т. 1–6.
- КСРГК – Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» – см. СРГК.
- КЭСКЯ – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.
- НОС – Новгородский областной словарь / отв. ред. В.П. Строгова. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995.
- ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Л.; СПб., 1967–2011. Вып. 1–22.
- РГК – Русский говор Кубани: словарь / под ред. доц. Е.П. Шейниной, доц. Е.Ф. Тарасенковой. Краснодар, 1991. (Рукопись).
- САР 2 – Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный: в 6 т. СПб., 1806–1822.
- СВЯ – Словарь вепсского языка / сост. М.И. Зайцева, М.И. Муллонен. Л., 1972.
- СДГВО – Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. проф. Р.И. Кудряшовой. Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. / гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1994–2005.
- СРДГ – Словарь русских донских говоров: в 3 т. / авт.-сост. З.В. Валюсинская, М.П. Выгонная, А.А. Дибров [и др.]; науч. рук. доц. В.С. Овчинникова, проф. Т.А. Хмелевская. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. гос. ун-та, 1975–1976.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров: в 48 т. М., Л., СПб., 1965–2015.
- ССГКН – Семантический словарь говора казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием / отв. ред. В.М. Гразнова. Ставрополь: Сервисшкола, 2012.

- ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
- ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік баларускай мовы: в 13 т. Мінск, 1978–2010.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков / под ред. О. Н. Трубачова. М., 1974–2012. Вып. 1–38.
- EWD – Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Berlin, 1989.
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981.
- * * *
1. Abaev V.I. Istoriko-jetimologičeskij slovar' osetinskogo jazyka: v 4 t. M.; L., 1958–1989.
  2. Anikin A.E. Jetimologičeskij slovar' russkih dialektov Sibiri. Zaimstvovanija iz ural'skih, altajskih i paleoaziatskih jazykov. M., Novosibirsk, 2000.
  3. Borisova O.G. Leksiko-semantičeskoe prostranstvo govorov pozdnego obrazovanija v genetičeskikh koordinatah (na materiale govorov Kubani) // Severnorusskie govory. Vyp. 13. SPb., 2015. S. 234–249.
  4. Varbot Zh.Zh. Praslavjanskaja morfonologija, slovoobrazovanie i jetimologija. M., 1984.
  5. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i znachitel'no umnožennoe po rukopisi avtora. M.; Spb., 1880–1882. T. 1–4.
  6. Kozyrev I.S. K voprosu ob izučenii tjurkizmov v russkom jazyke // Tjurkizmy v vostočnoslavjanskih jazykah. M., 1974. S. 9–25.
  7. Kurbangaleeva G.M. O semantičeskoj jevoljucii severnorusskoj leksiki v russkih govorah Bashkirii // Severnorusskie govory. Vyp. 11. SPb., 2010. S. 136–145.
  8. Larin B.A. Russko-anglijskij slovar'-dnevnik Richarda Dzhemsa 1618–1619 gg. L., 1959.
  9. Mironovich M.S. Naimenovanie hlebnyh izdelij v severnorusskom i južnovelikorusskom svadebnom obrjade (na primere Permskoj i Kaluzhskoj oblastej) // Severnorusskie govory. Vyp. 13. SPb., 2014. S. 158–164.
  10. Myznikov S.A. Donskaja leksika na severnorusskom fone // Leksičeskij atlas russkih narodnyh govorov. Materialy i issledovanija. 2001–2004. SPb., 2004. S. 154–158.
  11. Myznikov S.A. Novye dialektnye dannye i tradicionnye jetimologičeskie versii // Russkaja dialektologija: tradicionnye podhody i innovacionnye tehnologii: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvjashh. 100-letiju so dnja rozhd. d-ra filol. nauk, prof. L.M. Orlova. Volgograd, 15–17 fevr. 2012 / pod obshh. red. prof. E.V. Brysinoj. Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena», 2012. S. 32–40.
  12. Mjurkhejn V. Jestonskie leksičeskie zaimstvovanija v odnom iz russkih govorov Jestonskoj SSR // SFU. 1973. IX. 1. S. 1–9.
  13. Nosovich I. I. Slovar' belorusskogo narečija. Spb., 1870.
  14. Podvysockij A. Slovar' oblastnogo arhanžel'skogo narečija v ego bytovom i jetnografičeskom primenenii. Spb., 1885.
  15. Fasmer M. Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka: v 4 t. M., 1964–1973.
  16. Shipova E. N. Slovar' tjurkizmov v russkom jazyke. Alma-Ata: Nauka, 1976.
- BTSDK – Bol'shoj tolkovyj slovar' donskogo kazachestva. Rostov n/D.: Rost. gos. un-t; M.: Rus. slovani: Astrel'. ACT, 2003.
- ESUM – Etimologičnij slovník ukraїns'koї movi. Kiiiv, 1982–2012. T. 1–6.
- KSRGK – Kartoteka «Slovarja russkih govorov Karelii i sopredel'nyh oblastej» – sm. SRGK.
- KJeSKJa – Lytkin V.I., Guljaev E.S. Kratkij jetimologičeskij slovar' komi jazyka. Syktyvkar, 1999.
- NOS – Novgorodskij oblastnoj slovar' / otv. red. V.P. Strogova. Vyp. 1–12. Novgorod, 1992–1995.
- POS – Pskovskij oblastnoj slovar' s istoričeskimi dannymi. L.; SPb., 1967–2011. Vyp. 1–22.
- RGK – Russkij govor Kubani: slovar' / pod red. doc. E.P. Shejninov, doc. E.F. Tarasenkovej. Krasnodar, 1991. (Rukopis').
- SAR 2 – Slovar' Akademii Rossijskoj po azbuchnomu porjadku raspoložennyj: v 6 t. Spb., 1806–1822.
- SVJa – Slovar' vepsskogo jazyka / sost. M.I. Zajceva, M.I. Mullonen. L., 1972.
- SDGVO – Slovar' donskih govorov Volgogradskoj oblasti / pod red. prof. R.I. Kudrjashovoj. Izd. 2-e, pererab. i dop. Volgograd: Izdatel', 2011.
- SRGK – Slovar' russkih govorov Karelii i sopredel'nyh oblastej: v 6 t. / gl. red. A.S. Gerd. SPb., 1994–2005.
- SRDG – Slovar' russkih donskih govorov: v 3 t. / avt.-sost. Z.V. Valjusinskaja, M.P. Vygonnaja, A.A. Dibrov [i dr.]; nauch. ruk. doc. V.S. Ovchinnikova, prof. T.A. Hmelevskaja. Rostov n/D.: Izd-vo Rost. gos. un-ta, 1975–1976.
- SRNG – Slovar' russkih narodnyh govorov: v 48 t. M., L., SPb., 1965–2015.
- SSGKN – Semantičeskij slovar' govora kazakov-nekrasovcev s lingvokul'turologičeskim kommentariem / otv. red. V.M. Graznova. Stavropol': Servisshkola, 2012.
- SSKZD – Sravnitel'nyj slovar' komi-zyrjanskih dialektov. Syktyvkar, 1961.
- JeSBM – Jetymalagichny slovník balaruskaj movy: v 13 t. Minsk, 1978–2010.
- JeSSJa – Jetimologičeskij slovar' slavjanskih jazykov / pod red. O. N. Trubachova. M., 1974–2012. Vyp. 1–38.
- EWD – Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Berlin, 1989.
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981.

Don lexicon at the North Russian background in the etymological aspect

The author compares the Don lexicon with the North Russian background in the etymological aspect which allows finding the materials either of the same origin or irradiations of various natures.

Key words: *reality, dialect bearer, irradiation, representativeness, local words, continuum, loanword.*

(Статья поступила в редакцию 19.10.2016)

Е.А. НЕФЕДОВА
(Москва)

**ПРОСТОР, СВОБОДА, ВОЛЯ
В НАРОДНОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЕ**

Проводится анализ семантики и сочетаемости общерусских слов «простор», «свобода», «воля» и их производных. На материале литературного языка понятия простора и воли, в отличие от свободы, рассматриваются как отражающие русскую национальную ментальность, как этноспецифические концепты, не имеющие соответствий в других языках. В дискурсе носителей говора различие между свободой и волей в аспекте их связи с нормой, законом, правопорядком проявляется менее ярко, что отражается в синонимии имен в соответствующих значениях, в отсутствии четкой дифференциации свободы и воли, отмечаемой в литературном языке.

Ключевые слова: *региолект, ментальность, концепт, норма, закон, правопорядок, простор, воля, свобода.*

Известно, что речь современных носителей диалекта, утрачивая яркие диалектные черты, сохраняет при этом свою территориальную окрашенность. Внутренняя эволюция говоров приводит к возникновению новых форм диалектного общения, определяемых исследователями как сельское просторечие, наддиалектная форма, региолект [3]. И если терминологическая лексика, связанная с традиционными народными промыслами, обрядовая и фольклорная лексика в реальной коммуника-

ции носителей диалекта занимает уже небольшое место, то *функциональная значимость* обиходно-разговорной лексики, лексики повседневного, бытового общения сохраняется. Наблюдения показывают, что лексике повседневного общения присуща высокая вариативность как внешней формы, так и содержания, вариативность, опирающаяся прежде всего на *общерусский* компонент. Это проявляется и в семантическом варьировании общерусских слов, и в их словообразовательном варьировании на базе общерусских корневых и аффиксальных морфем (см. об этом: [5]).

Материал исследования извлечен из бумажной и электронной картотеки «Архангельского областного словаря» [1]. Эти слова неоднократно подвергались рассмотрению на материале литературного языка [4; 2; 6; 7]. В этих работах *простор* и *воля*, в отличие от *свободы*, рассматриваются как понятия, отражающие русскую национальную ментальность. Это этноспецифические концепты, не имеющие соответствия в других языках. Простор – «одна из главных ценностей», русской душе «без простора нет покоя, без простора – душа теснота. Только на просторе человек может быть самим собой» [6, с. 76]. Для простора самое важное – отсутствие границ, просторно там, где не тесно, где можно свободно двигаться и легко дышать [Там же].

Воля издавна ассоциируется с бескрайними степными просторами. Связь воли с представлением о широком пространстве отмечают А.Д. Шмелев и Е.В. Урысон [6–7]. Понятие воли является специфически русским, в архаической модели мира «мир» соответствовал привычной норме, а воля – непредсказуемым отклонением от нормы [6, с. 70–71].

В отличие от воли *свобода* предполагает нежестко регламентированный порядок. «*Свобода* означает мое право делать то, что мне представляется желательным, но это мое право ограничено правами других людей; а *воля* вообще не связана с понятием права» [Там же, с. 72]. Прототипическое представление о свободе связывается с возможностью действовать по-своему, по своей воле, но эта возможность ограничена нормативностью социального характера [4, с. 144]. По мнению А. Вежбицкой, *воля* в более старом значении – это пространственная свобода, она противопоставлена наличию хозяина (помещика). В значении, характерном для XX в., *воля* противопоставле-